

Д. В. БУБНОВ

КОНФЛИКТ ДИОНИСИЯ СТАРШЕГО С РЕГИЕМ И МЕССАНОЙ В 399 г. до н.э. И ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ СОЮЗА ИТАЛИОТОВ*

Рассматривается сообщение «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского о выступлении жителей Регия и Мессаны против сиракузского правителя Дионисия Старшего в 399 г. до н.э. (Diod. XIV, 40). Обстоятельства этого конфликта дают основание предполагать, что совместные действия двух полисов были результатом существования между ними союзных отношений. Представляется, что некоторые принципы, лежавшие в основе взаимодействия Регия и Мессаны, были впоследствии использованы в процессе создания военно-политического союза италийских греков. Этому способствовали, по-видимому, вхождение Регия в состав лиги и активная деятельность сиракузского изгнанника Гелориса, направленная на консолидацию сил италиотов для отпора угрозе со стороны сицилийской тирании и южноиталийского народа луканов.

Ключевые слова: Дионисий Старший, союз италиотов, Регий, сицилийская тирания, Сиракузы.

По свидетельству Диодора Сицилийского (XIV, 14, 1 — XIV, 16, 4), первые внешнеполитические акции на Сицилии сиракузского тирана Дионисия Старшего, осуществленные в 403 г. до н.э. после того, как он положил конец выступлениям граждан против его власти, начавшимся в первые годы его правления, и упрочил тем самым свое положение единовластного владыки своего города, закрепленное ранее договором с карфагенянами (Diod. XIII, 114, 1)¹, были продиктованы стремлением поставить под контроль ряд греческих и сиккульских общин, находившихся в северо-восточной части

* Работа выполнена в рамках проекта «Античная гражданская община в политическом, социально-экономическом и религиозно-мифологическом измерении» сектора исторических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Пермь.

¹ М. Сорди и П. Анелло отмечали, что договор Дионисия Старшего с Карфагеном, заключенный в 405 г. до н.э., стал первым актом «международного» признания власти тирана [Sordi, 1980, p. 24; Anello, 2002, p. 355].

острова. В числе жертв его экспансии оказались и ближайшие к Сиракузам греческие полисы — халкидские колонии Катана, Наксос и Леонтины (Diod. XIV, 14, 1–4; 15, 1–4; Polyaeu. V, 2, 5). Расправа с населением этих городов оказалась неожиданно жестокой. Жителей Катаны и Наксоса Дионисий распорядился продать в рабство (Diod. XIV, 15, 2–3; 40, 1; см. также: Diod. XIV, 66, 4; 68, 3)¹; леонтинцы же сохранили свободу, но были переселены в Сиракузы (Diod. XIV, 15, 4). Земли Наксоса были переданы сикулам (Diod. XIV, 15, 3; 59, 2), а в Катане Дионисий разместил гарнизон, поселив в городе своих кампанских наемников (Diod. XIV, 15, 1, 3).

Эти меры сиракузского правителя, имевшие следствием уничтожение нескольких независимых полисов, вызвали негативную реакцию прежде всего у жителей расположенного в Южной Италии Регия, население которого также состояло из потомков халкидских колонистов (Diod. XIV, 40, 1; см. также: Thuc. VI, 44, 3; Strabo VI, 1, 6. С. 257) и по этой причине рассматривало себя как родственное обитателям Катаны, Наксоса и Леонтин. По словам Диодора, жители Регия, которые ранее, в 404 г. до н.э., оказали военную поддержку выступившим против Дионисия сиракузянам (Diod. XIV, 8, 2), в 399 г. до н.э. испытывали опасения в связи с тем, что им, возможно, придется разделить участь своих сицилийских соплеменников (Diod. XIV, 40, 1). Движимые этим побуждением, а также подстрекаемые находившимися в Регии сиракузскими изгнанниками, регийцы приняли решение выступить против тирана и отправили на Сицилию значительные военные силы — шесть тысяч пеших и шестьсот конных воинов в сопровождении пятидесяти триер (Diod. XIV, 2–3)². После того как это войско переправилось на Сицилию, стратегам регийцев удалось убедить мессанских военачальников присоединиться к походу против Дионисия. Стратеги Мессаны, не дожидаясь одобрения народного собрания, пополнили союзные силы еще четырьмя тысячами пехоты, четырьмястами всадниками и тридцатью триерами (Diod. XIV, 3–4).

Однако у самых границ мессанской территории возник инцидент, помешавший достижению цели похода. Некий Лаомедонт, уроженец Мессаны, заявил о том, что не следует воевать с сиракузским правителем, не причинившим никакого зла участникам похода. Воины мессанского отряда, помня о том, что война не была объявлена официально, прислушались к мнению Лаомедонта и вернулись домой. Регийцы, решив, что им не по силам будет вести войну против тирана одним, также отказались от похода.

¹ См.: [Seibert, 1982–1983, S. 47; Giuliani, 1995, p. 109, 119]. Часть жителей Катаны и Наксоса, по-видимому, действительно смогла избежать общей участи населения своих городов. По словам Диодора (XIV, 87, 1), спустя несколько лет, в 394 г. до н.э., уцелевшие катанцы и наксосцы при помощи Регия получили возможность поселиться в Милах. В другом месте (XVI, 7, 1; ср.: XIV, 59, 1–2) сицилийский историк сообщает, что остатки населения Наксоса позднее удалось собрать Андромаху, отцу историка Тимея, и устроить на расположенной поблизости горе Тавр новое поселение, получившее название Тавромений.

² Высказывалось мнение о том, что причиной враждебного отношения жителей Регия и Мессаны к Дионисию было понимание экспансионистских целей Сиракуз, стремившихся установить контроль над городами, расположенными у Мессинского пролива [Rassuia, 1981, p. 20–21].

Впоследствии оба города отправили к Дионисию послов для заключения мира, который тот счел возможным принять, полагая, что в настоящий момент для него удобнее не враждовать с их жителями (Diod. XIV, 4–7).

Обращает на себя внимание тот факт, что в рассказе Диодора между захватом Дионисием Старшим халкидских полисов Сицилии и выступлением Регия, возмущенного расправой с соплеменниками, против тирана существует значительный временной интервал: война с халкидиями отнесена к 403 г. до н.э., а поход регийцев — к 399 г. до н.э. Однако, как представляется, эмоциональная реакция жителей Регия на действия тирана, ставшая у Диодора главным мотивом их выступления против сиракузского правителя, плохо согласуется с четырехлетним промежутком между этими событиями. В самом деле, оказывая помощь восставшим сиракузянам по их просьбе, регийцы действовали, как можно заключить из текста «Исторической библиотеки», намного оперативнее (Diod. XIV, 8, 2). В связи с этим следует отметить, что, по-видимому, правы те исследователи, которые допускают возможность рассматривать указанные события не только как взаимосвязанные, но и как следующие непосредственно друг за другом [Stroheker, 1958, S. 62, где датировка похода регийцев 399 г. до н.э. сопровождается знаком вопроса; Meier-Welcker, 1971, S. 23, где эта же датировка названа предположительной; Caven, 1990, p. 84, где высказывается предположение, что Диодор объединил в рассказе о 403 г. до н.э. события нескольких последующих лет]¹.

У исследователей нет единого мнения по поводу происхождения рассказа Диодора об упомянутом конфликте жителей Регия и Месаны с Дионисием. Многие специалисты склоняется к предположению о том, что сообщение «Исторической библиотеки» восходит к изложению событий сицилийской истории Тимеем [Volquardsen, 1868, S. 94–95; Meister, 1967, S. 86–87; Folke, 1973, p. 106; Raccuia, 1981, p. 15, n. 1; Pearson, 1987, p. 173²]. Другие, напротив, связывают данные Диодора со свидетельствами иных источников. Так, Р. Лакер отмечал в соответствии со своими представлениями об одновременном использовании и механическом соединении историком

¹ Следует отметить, что события на Сицилии, имевшие место с 402 по 400 г. до н.э. освещены в «Исторической библиотеке» крайне скудно. Наиболее пространно описывается Диодором лишь строительство укреплений Эпипол, занявшее, по словам самого историка, всего двадцать дней (Diod. XIV, 18, 1–8). Кроме этого рассказа в «Исторической библиотеке» содержится лишь упоминание о появлении у Дионисия Старшего в это время мессенских наемников (Diod. XIV, 34, 3, где это сообщение дается в контексте балканской, а не сицилийской истории) и об основании тираном нового города — Адрана (Diod. XIV, 37, 5). Поскольку нет оснований сомневаться в том, что правление Дионисия Старшего было описано Филистом достаточно подробно [Sanders, 1987, p. 46; Meister, 2002, p. 454], следует предположить, что нарушения в освещении сицилийской истории этих лет в более поздних исторических трудах могли быть вызваны особенностями обработки их авторами исходных свидетельств.

² Л. Пирсон полагал, что источник Диодора приводил упомянутую в этом рассказе речь Лаомедонта целиком и что это обстоятельство свидетельствует в пользу того, что она могла быть заимствована у Тимея, склонного, по свидетельству Полибия (XII, 25а, 4–5), к использованию произвольно в своем труде сконструированных речей, приписываемых историческим лицам [Pearson, 1986, p. 363; Pearson, 1987, p. 173; ср.: Vattuone, 1991, p. 261–266].

из Агирия двух параллельных версий изложения событий — у Эфора, сведения которого составляли основу текста «Исторической библиотеки», и у Тимея, данные которого учитывались как дополнительные к Эфоровым, что и в некоторых частях сообщения Диодора (Diod. XIV, 40, 2–3) обнаруживается тимеевское влияние, тогда как основное содержание безусловно восходит к рассказу Эфора [Laquet, 1936, Sp. 1127]. М. Сорди полагала, что сведения Диодора были позаимствованы у Эфора, отмечая в тексте его повествования о конфликте Регия, Мессаны и Дионисия возможный дублет (Diod. XIV, 40 и Diod. XIV, 87), вызванный использованием двух разных источников — трудов Эфора и Тимея [Sordi, 1978, p. 8–11]. Наконец, Л. Сандрес настаивал на том, что Диодор черпал сведения — в частности, для рассматриваемого сообщения — непосредственно из сочинения Филиста [Sanders, 1987, p. 146]¹.

Представляется, что обилие деталей, знание которых было доступно прежде всего современнику, очевидцу и участнику описываемых событий, сравнительно беспристрастный тон повествования и отсутствие резких выпадов в адрес Дионисия свидетельствуют в пользу заимствования Диодором сведений именно у Филиста². Следует, однако, обратить внимание на то, что этот историк излагал прежде всего события, связанные с деятельностью самого правителя Сиракуз, и по этой причине мог не во всей полноте описывать некоторые факты в их связи, не представлявшие ценности с точки зрения основной цели повествования³, что, очевидно, затрудняет понимание происходивших на периферии его интересов событий. Это мнение можно распространить и на рассказ Диодора о походе объединенного войска Регия и Мессаны против Дионисия в 399 г. до н.э., что позволяет специально обратиться к исследованию содержания рассказа

¹ По мнению Л. Сандерса, в произведении Филиста отмечались случаи счастливого преодоления Дионисием затруднительных обстоятельств, казавшиеся ему, по-видимому, проявление благосклонности фортуны к тирану. К этим случаям относилась и ситуация, которая сложилась во время совместной экспедиции жителей Регия и Мессаны против сиракузского правителя [Sanders, 1987, p. 146]. Некоторые исследователи придерживаются мнения об использовании Диодором в этом отрывке данных Филиста в переработке Тимея [Raccuia, 1981, p. 15, n. 1; Raccuia, 1988, p. 401, n. 26].

² Атрибуция данных Диодорова рассказа не всегда представляется убедительной ввиду отсутствия четких ее критериев. Так, К. Майстер отрицал зависимость рассматриваемого отрывка от сведений Эфора и пытался обосновать его принадлежность Тимею лишь на основании совпадения сведений об общей численности кораблей Регия и Мессаны с другим фрагментом (Diod. XIV, 8, 2), который, по предположению исследователя, несомненно является «тимеевским» [Meister, 1967, S. 85, 87; ср.: Folke, 1973, p. 164, n. 59].

Попытки связать происхождение свидетельств «Исторической библиотеки» с трудом Эфора зачастую опираются не на строгие основания, а только на отрицании их возможной зависимости от Тимея или на соображения общего характера. Также примечательным кажется мнение Б. Кейвена об отсутствии принципиальных различий в изложении Эфором и Тимеем событий, относящихся к правлению Дионисия Старшего [Caven, 1990, p. 4].

³ Дионисий Галикарнасский отмечал, что в сочинении Филиста нет ничего, что не относилось бы к его теме (Epist. ad Pomp. V, 2, 780). См. также: [Sanders, 1987, p. 49.]

с целью выяснить особенности исторической ситуации, сложившейся в момент экспедиции.

При рассмотрении этого сюжета в тексте «Исторической библиотеки» прежде всего обращает на себя внимание упоминание о заключении Дионисием мира с послами, отправленными жителями Регия и Мессаны к сиракузскому правителю после провала совместной экспедиции против него (Diod. XIV, 40, 7). Употребленное Диодором для обозначения цели посольств понятие несомненно подразумевает, что заключению соглашения предшествовал военный конфликт. Между тем согласно свидетельству «Исторической библиотеки» (Diod. XIV, 40, 4–5) дело не только не дошло до военного столкновения между сиракузянами и объединенными силами регийцев и мессанцев, но и война не была объявлена, а войско союзников не покинуло земель Мессаны¹. Объяснить этот сюжет в тексте труда Диодора следует, как кажется, тем, что совместный поход, отнесенный историком из Агирия к 399 г. до н.э., воспринимался как часть более широкого конфликта с Сиракузами, начало которому было положено оказанием военной помощи со стороны Регия и Мессаны восставшим против тирана сиракузянам в 404 г. до н.э. (Diod. XIV, 8, 2) и нападением Дионисия на халкидские полисы Сицилии в 403 г. до н.э. (Diod. XIV, 14–15). Представляется, что в ликвидации этого долгого противостояния были заинтересованы все участвовавшие в нем стороны. Очевидно также, что враждебность в отношениях Регия и Мессаны с Дионисием сохранялась на протяжении всего периода от прихода тирана к власти до заключения рассматриваемого мирного договора².

Еще одна примечательная деталь повествования Диодора состоит в том, что переговоры о присоединении жителей Мессаны к задуманному регийцами походу против Дионисия состоялись уже, по-видимому, после того, как войско Регия появилось на Сицилии (Diod. XIV, 40, 3). Появление вооруженных сил другого полиса на территории Мессаны без

¹ Существует предположение о том, что именно к этому времени относится упомянутый Полиэном (V, 2, 18) конфликт между Дионисием и Мессаной [Rasscia, 1988, p. 404–405, 417]. Впрочем, с таким мнением не согласуется приводимое Диодором утверждение мессанца Лаомедонта о том, что правитель Сиракуз не совершал против участников похода несправедливых действий (Diod. XIV, 40, 5). Однако в том случае, если справедливо высказанное ранее предположение о том, что совместная экспедиция Регия и Мессаны была организована вскоре после захвата Дионисием халкидских полисов, представляется возможным описанные в рассказе Полиэна события отнести ко времени между этим походом и заключением мира в 399 г. до н.э. По мнению М. Сорди, сообщение Диодора в XIV, 87 о конфликте Регия, Мессаны и Дионисия является дублетом и касается тех событий, которые изложены в XIV, 40 [Sordi, 1978, p. 3–4].

² Перемена отношения к новому режиму в Сиракузах со стороны Мессаны представляется особенно резкой, если принять во внимание, что ее жители в 406 г. до н.э. принимали участие в сражении при Акраганте против карфагенян на стороне сицилийских греков, возглавляемых сиракузянином Дафнеем (Diod. XIII, 86, 4), а в 405 г. до н.э., вероятно, действовали при Геле в составе союзного войска под предводительством самого Дионисия, избранного в то время стратегом-автократом [Rasscia, 1981, p. 23–24].

предварительного одобрения ее властей, о котором источники ничего не сообщают, должно было выглядеть в обычных условиях по меньшей мере как недружественная акция¹. Однако в связи с тем, что мессанцы явно не усматривали в действиях регийцев ничего предосудительного, остается лишь предположить о существовании особых отношений, связывающих оба эти города.

Еще одной особенностью изложения событий Диодором, которая должна привлечь к себе внимание, является упоминание о том, что стратеги Мессаны, поддавшись убеждению коллег из Регия, согласились выступить против сиракузского тирана и отправились в поход без одобрения народного собрания (Diod. XIV, 40, 4). Примечательно, что действия стратегов не вызвали осуждения со стороны самих граждан, принявших участие в той экспедиции, по поводу необходимости которой они не получили возможности выразить свое мнение. Возникает впечатление, что ход событий воспринимался мессанцами как вполне нормальный до того момента, как объединенное войско приблизилось к границе Мессаны. Именно в этот момент состоялось выступление Лаомедонта, после которого мессанцы отказались продолжать поход².

По-видимому, именно намерение стратегов действовать за пределами своей территории показалось гражданам неправомерным. Действительно, сбор военачальниками сил, их выступление в поход вместе с регийцами,

¹ Э. Фримен, комментируя эту ситуацию, отметил, что отсутствие переговоров между двумя сторонами до высадки регийцев на Сицилии выглядит странно, однако от дальнейших рассуждений по этому поводу отказался, заметив, что «было, кажется, именно так, как сообщается в рассказе» [Freeman, 1894, p. 60]. Ф. Сартори, проанализировав сообщение Диодора, высказал предположение о том, что стратеги Регия, ведя переговоры с Мессаной, искали в ней союзника, но наметившийся союз обнаружил свою несостоятельность в ходе первой же совместной операции против Дионисия и, по мнению исследователя, потерпел крах уже на стадии формирования [Sartori, 1973–1974, p. 632]. Б. Кейвен полагал, что перед отправкой войск на Сицилию регийцы подготовили для этой акции почву, изучив настроение властей Мессаны [Caven, 1990, p. 87].

² Было высказано предположение о том, что и действия стратегов Мессаны, и провал совместной экспедиции были обусловлены особенностями социально-политической ситуации в самой Мессане [Raccuia, 1988, p. 25–31]. По мнению Э. Д. Фролова, раскол в союзном войске мог быть инспирирован Дионисием [Фролов, 2001, с. 367; см. также: Raccuia, 1988, p. 405–406; Caven, 1990, p. 87]. Многие исследователи склонны предполагать о существовании в Мессане дружественных настроений по отношению к Сиракузам в среде демоса, которые в конечном счете послужили причиной неудачи, постигшей планы стратегов [Mitford, 1822, p. 95; Ciaceri, 1940, p. 418; Meyer, 1958, S. 89–90; Stroheker, 1958, S. 62; Raccuia, 1981, p. 22; Berger, 1992, p. 55]. Однако следует отметить, что при захвате халкидских колоний в 403 г. до н.э. Дионисий опирался на содействие представителей социальной верхушки — предававших свои города стратегов (Diod. XIV, 15, 1–2), а не на поддержку широких слоев граждан, которые в результате военных действий тирана вынуждены были бежать или оказывались в рабстве. Однако даже с учетом прежней демагогической политики сиракузского правителя подобные акции, память о которых в момент похода объединенных сил Регия и Мессаны была, по-видимому, еще свежа, могли расположить к нему мессанский демос.

пребывание возглавляемого ими войска в пределах своих земель воспринимались как отвечающие компетенции стратегов. Однако осуществление военных предприятий за границей без одобрения народа, вероятно, превышало их полномочия, о чем, возможно, напомнил воинам Лаомедонт. Таким образом, стратеги Регию в стремлении повлиять на своих коллег из Мессаны имели целью не убедить их принять участие в походе без официального постановления народа, но склонить к выступлению именно против Дионисия и к ведению военных действий за пределами собственной территории. Согласно Диодору (XIV, 40, 5), Лаомедонт в своей речи отметил, что Дионисий не допустил никакой несправедливости и, следовательно, нет оснований для военных действий против него. Очевидно, что жителям Мессаны действия их стратегов наподобие начатых ими вместе с регийцами казались бы оправданными только в случае возникновения внешней угрозы и необходимости защиты от нее.

Разбор сообщений Диодора не дает возможности усомниться в широких полномочиях стратегов Мессаны, предусматривавших, по-видимому, право в случае опасности извне набирать войско и выступать в поход без предварительного одобрения этих действий народным собранием¹. Примечательно, что сходным образом могли действовать стратеги тех городов Южной Италии, которые в 393 г. до н.э. создали союз италиотов. По свидетельству Диодора (Diod. XIV, 101, 1), они были обязаны оказать военную помощь любому из городов лиги, который подвергся нападению, а в том случае, если это установление нарушалось, виновные подлежали смерти. Благодаря этому достигалась оперативность реакции со стороны участников союза на возникшую угрозу, а сами стратеги выступали не только как магистраты отдельных полисов, но и как представители союзной администрации и не нуждались, по-видимому, в специальном одобрении их действий органами власти отдельных полисов².

Схожесть полномочий стратегов у италиотов, регийцев и мессанцев дает основание предположить, что между Регием и Мессаной существовали те же связи, что и между полисами, входившими в объединение италиотов, и что они образовали военный союз³. Такое предположение позволяет объяснить, как кажется, все отмеченные особенности в рассказе Диодора о неудачном походе против Дионисия. Действительно, вызванный предполагаемыми экспансионистскими намерениями со стороны Сиракуз поход должен

¹ Иное мнение см.: [Raccuia, 1981, p. 31, n. 72]. Ф. Сартори отмечал, что о составе и функциях коллегии регийских стратегов известно крайне мало [Sartori, 1953, p. 134].

² О роли стратегов в структуре союза италиотов см.: [De Sensi Sestito, 1982, p. 21–22; De Sensi Sestito, 1984, p. 46; De Sensi Sestito, 1994, p. 206; Werner, 1995, S. 294–295].

³ Несмотря на то что Регий и Мессана резко отреагировали на расправу Дионисия с жителями Наксоса и Катаны и приняли участие в судьбе остатков их населения, нет веских оснований считать их участниками союза халкидских городов, существование которого предполагается некоторыми исследователями [см. подробнее: Giuffrida, 2002, p. 420]. Во всяком случае, население Леонтин, осажденное войском Дионисия, полагало, что после гибели Катаны и Наксоса не приходится рассчитывать на чью-либо помощь (Diod. XIV, 15, 4).

был обеспечить взаимную безопасность обоих городов¹, что давало право регийскому войску появиться на территории союзника, а стратегам Мессаны — принять участие в экспедиции, не заручившись одобрением народа. Неудача же, постигшая союзное войско, объясняется, по-видимому, тем, что стратеги превысили свои полномочия, выступив в поход против гипотетического, а не реального врага, причем за пределы своей территории без согласия граждан. Исходя из этого можно предположить, что союз носил оборонительный характер и не ставил целью осуществление совместных наступательных действий. Для них, по-видимому, требовалось специальное постановление. Формальные нарушения, допущенные стратегами, дали Лаомедонту возможность убедить воинов, среди которых идея вести войну против сиракузского тирана, очевидно, не пользовалась популярностью, не подчиняться начальникам и вернуться домой.

Представляется, что регийско-мессанский альянс мог возникнуть, как это нередко случалось, из культового объединения. Со слов Павсания известно (V, 25, 2), что жители Мессаны ежегодно принимали участие в празднике, который проводился в Регии. Вероятно, осознание населением обоих городов общности происхождения² также содействовало установлению тесных контактов между ними. Напряженные отношения с Дионисием, сложившиеся у обоих полисов в 404–399 гг. до н.э., способствовали трансформации отношений между ними в союз с целью обеспечения коллективной обороны. Уже в 404 г. до н.э. Регий и Мессана действовали совместно против Дионисия, поддерживая восставших сиракузян (Diod. XIV, 8, 2). Возможно, сотрудничество в этом предприятии стало первой совместной акцией союзников.

По свидетельству Диодора (XIV, 44, 3), Дионисий, зная силу объединенной армии обоих городов, накануне начатой им в 398 г. до н.э. войны против Карфагена опасался, как бы союзники не выступили на стороне карфагенян, обеспечив им тем самым перевес в силах. Это сообщение как нельзя лучше отражает существование у Регия и Мессаны консолидированной внешнеполитической позиции, которую они готовы были отстаивать с помощью союзного войска.

Однако существование союза не было долгим. В 398 г. до н.э. Дионисий способствовал значительному приращению владений Мессаны, чем снискал расположение ее населения (Diod. XIV, 44, 4) и, по-видимому, в дальнейшем заключил с этим полисом союз [Rassua, 1988, p. 401–404]. Регийцы же предложение тирана заключить брак с одной из знатных женщин их города отвергли (Diod. XIV, 44, 4–5; 107, 3–4). Эти события не могли не привести к расколу интересов в союзе и его фактическому распаду. Жители Регия,

¹ Возможно, регийские стратеги, стремясь придать своему предложению об участии в походе против Дионисия законное основание, обращали внимание на усиление власти тирана и исходящую от него угрозу независимости сицилийских полисов, и приводили в пример расправу с халкидскими городами. О существовании в Регии опасений повторить их участь сообщает Диодор (XIV, 40, 1).

² Вследствие принудительной миграции населения, осуществлявшейся в истории Мессаны неоднократно (Thuc. VI, 4, 5–6; Diod. XI, 76, 5), к концу V в. до н.э. население обоих городов могло считаться родственным лишь формально. О первоначально халкидском происхождении Мессаны см.: (Thuc. VI, 4, 5; Strabo VI, 2. 3. С. 268).

лишившись важного союзника, в условиях растущей агрессии со стороны Дионисия, были вынуждены искать поддержки у других полисов Италии и вступить в лигу италиотов¹. Представляется, что вхождению регийцев в состав этого союза, которое имело место, по-видимому, вскоре после нападения тирана на их город в 393 г. до н.э. (Diod. XIV, 90, 5), содействовал сиракузский изгнанник Гелорис [Бубнов, 2014, с. 84]. Присоединение Регия к лиге наряду с некоторыми другими полисами послужило окончательному оформлению этого объединения [De Sensi Sestito, 1982, p. 22; De Sensi Sestito, 1994, p. 204–205; Werner, 1995, S. 287; Wonder, 2012, p. 142–143].

Диодор, сообщив о возникновении союза в 393 г. до н.э. (XIV, 91, 1), перечислил затем обязанности стратегов (XIV, 101, 1), которые, как уже отмечалось, по своему содержанию были близки полномочиям военачальников Регия и Мессаны. Едва ли такое совпадение было случайным. Примечательно, что ни один италийский полис прежде не имел опыта участия в объединении, предоставлявшем своим магистратам подобные права, ведь существовавший ранее союз ахейских колоний Южной Италии строился на совершенно иных принципах² и не носил, по-видимому, исключительно военного характера [Mele, 1993, p. 243–245; De Sensi Sestito, 1994, p. 204–205]³. В связи с этим обстоятельством можно допустить, что благодаря присоединению Регия к лиге оказалось возможным учесть опыт функционирования магистратуры стратегов в рамках мессано-регийского альянса при решении задачи, стоявшей перед италиотами, — противодействовать агрессии со стороны луканов и Дионисия Старшего.

Подводя итог, следует отметить, что, с одной стороны, анализ сообщения Диодора о конфликтной ситуации, сложившейся в 399 г. до н.э. в отношениях Дионисия с Регием и Мессаной, позволяет высказать предположение о существовании между названными полисами союзных отношений, возникших, по-видимому, после установления в Сиракузах в 405 г. до н.э. тиранического режима. Одними из его первых военно-политических акций, вызвавших, вероятно, обоснованную тревогу за собственную безопасность у жителей Регия и Мессаны, было подавление выступления сиракузских граждан в 404 г. до н.э. и уничтожение халкидских колоний в 403 г. до н.э. С другой стороны, есть основания предполагать, что опыт функционирования этого объединения (в частности, роль стратегов в организации совместных действий полисов-участников) был учтен при организации симмахии италиотов в 393 г. до н.э. благодаря, вероятно, тому обстоятельству, что в состав нового союза вошел и Регий, чрезвычайно заинтересованный в оказании италийскими греками коллективного противодействия экспансии со стороны Дионисия Старшего.

¹ В борьбе против Дионисия были заинтересованы и другие города, например, Гиппоний [De Sensi Sestito, 1982, p. 24–25; De Sensi Sestito, 1994, p. 205; Wonder, 2012, p. 142–143].

² Лига ахейских городов складывалась как симполития, в функционировании которой важная роль принадлежала общесоюзным институтам, что едва ли предполагало широкие полномочия городских магистратов полисов-членов объединения.

³ По мнению Дж. Вандера, союз ахейских колоний вынужден был противостоять давлению, оказываемому на входившие в него города Фуриями и Локрами [Wonder, 2012, p. 141, 149].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бубнов Д. В. Филист, Гелорис и возникновение союза италиотов в начале IV в. до н.э. // ВДИ. 2014. № 1. С. 77—88.
2. Фролов Э. Д. Греция в эпоху поздней классики (Общество. Личность. Власть). СПб., 2001.
3. Anello P. Siracusa e Cartagine // La Sicilia dei due Dionisi. Atti della settimana di studio, Agrigento, 24–28 febbraio 1999 / a cura di N. Bonacasa, L. Braccesi, E. De Miro. Roma, 2002. P. 343–360.
4. Berger S. Revolution and Society in Greek Sicily and Southern Italy. Stuttgart, 1992.
5. Caven B. Dionysius I war-lord of Sicily. New Haven; London, 1990.
6. Ciaceri E. Storia della Magna Grecia. Genova; Roma; Napoli; Citta di Castello, 1940. Vol. 2. La grande civiltà del mezzogiorno d'Italia. Sviluppo, potenza ed azione politica degli stati italoti dal sec. VII alla metà del sec. IV.
7. De Sensi Sestito G. Il Santuario del Lacinio nella lega achea ed italiota // Miscellanea di studi storici. 1982. Vol. 2. P. 13–33.
8. De Sensi Sestito G. La funzione politica dell'Heraion del Lacinio al tempo delle lotte contro i Lucani e Dionisio I // I santuari e la guerra nel mondo classico / a cura di M. Sordi (Contributi dell'Istituto di storia antica. Vol. 10). Milano, 1984. P. 41—50.
9. De Sensi Sestito G. Il federalismo in Magna Grecia: la Lega italiota // Federazioni e federalismo nell'Europa antica / a cura di L. Aigner Foresti, A. Barzanò, C. Bearzot, L. Prandi, G. Zecchini. Milano, 1994. Vol. 1. Alla radice della casa comune europea. P. 195–216.
10. Folke C. A. Dionysius and Philistus: the tyrant and the historian / a dissertation, State University of new York at Binghamton. Binghamton, 1973.
11. Freeman E. A. The history of Sicily from the earliest times. Oxford, 1894. Vol. 4.
12. Giuffrida M. I Dionisi e l'area calcidese // La Sicilia dei due Dionisi. Atti della settimana di studio, Agrigento, 24–28 febbraio 1999 / a cura di N. Bonacasa, L. Braccesi, E. De Miro. Roma, 2002. P. 417–426.
13. Giuliani A. Le migrazioni forzate in Sicilia e in Magna Grecia sotto Dionigi I di Siracusa // Coercizione e mobilità umana nel mondo antico / a cura di M. Sordi (Contributi dell'Istituto di storia antica, 21). Milano, 1995. P. 107–124.
14. Holm A. Geschichte Siciliens im Altertum. Leipzig, 1874. Bd. 2.
15. Laqueur R. Timaios (3) // Paulys Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft / Neue Bearbeitung begonnen von G. Wissowa. Herausgegeben von W. Kroll und K. Mittelhaus. Stuttgart, 1936. Bd. 6, Halbband 12 (Reihe 2), Sp. 1076–1203.
16. Meier-Welcker H. Dionysios I. Tyrann von Syrakus. Zürich; Frankfurt, 1971.
17. Meister K. Die sizilische Geschichte bei Diodor von den Anfängen bis zum Tod des Agathokles. Quellenuntersuchungen zu Buch IV-XXI / Inaugural Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophischen Fakultät der Ludwig-Maximilians Universität zu München. München, 1967.
18. Meister K. Filisto e la tirannide // La Sicilia dei due Dionisi. Atti della settimana di studio, Agrigento, 24–28 febbraio 1999 / a cura di N. Bonacasa, L. Braccesi, E. De Miro. Roma, 2002. P. 453–462.
19. Mele A. Crotone greca negli ultimi due secoli della sua storia // Crotone e la sua storia tra IV e III secolo a. C. / a cura di M. L. Napolitano. Napoli, 1993. P. 235–291.
20. Meyer E. Geschichte des Altertums / Vierte, verbesserte Ausgabe. Basel; Stuttgart, 1958. Bd. 5: Perserkrieg und die Griechen. Der Ausgang der griechischen Geschichte 404–350 v. Chr.
21. Mitford W. The History of Greece. London, 1822. Vol. 7.

22. *Pearson L.* The Speeches in Timaeus' History // *AJPh.* 1986. Vol. 107, № 3. P. 350–368.
23. *Pearson L.* The Greek historians of the West. Timaeus and his predecessors. Atlanta, 1987.
24. *Raccuia C.* Messana, Rhegium e Dionysios I dal 404 al. 398 a. C. // *RSA.* 1981. Anno 11. P. 15–32.
25. *Raccuia C.* Sui rapporti fra Dionisio I e Messana: nota a Polyæn. 5, 2, 18 // *Hes-tiasis. Studi di tarda antichità offerti a Salvatore Calderone.* Messina, 1988. P. 393–418.
26. *Sanders L. J.* Dionysius I of Syracuse and Greek tyranny. London; New York; Sydney, 1987.
27. *Sartori F.* Problemi di storia costituzionale italiota. Roma, 1953.
28. *Sartori F.* Rapporti delle città italiote con Atene e Siracusa dal 431 al 350 a. C. // *Atti dell' Istituto Veneto di Scienze, Lettere ed Arti.* 1973—1974. Classe di scienze morali, lettere ed arti. T. 132. P. 619–643.
29. *Seibert J.* Die Bevölkerungsfuktuation in den Griechenstädten Siziliens // *Anc-Soc.* 1982–1983. № 13–14. S. 33–65.
30. *Sordi M.* Dionigi I e gli Italioti // *Aevum.* 1978. Anno 52, № 1. P. 1–16.
31. *Sordi M.* I rapporti fra Dionigi I e Cartagine fra la pace del 405/4 e quella del 392/1 // *Aevum.* 1980. Anno 54, № 1. P. 23–34.
32. *Stroheker K. F.* Dionysios I. Gestalt und Geschichte des Tyrannen von Syrakus. Wiesbaden, 1958.
33. *Vattuone R.* Sapienza d'Occidente. Il pensiero storico di Timeo di Tauromenio. Bologna, 1991.
34. *Volquardsen C. A.* Untersuchungen über die Quellen der griechischen und sicilischen Geschichten bei Diodor, Buch XI bis XVI. Kiel, 1868.
35. *Werner R.* Untersuchungen zur Geschichte und Struktur des Italiotenbundes // *Rom und der Griechische Osten. Festschrift für Hatto H. Schmitt zum 65. Geburtstag dargebracht von Schülern, Freunden und Münchener Kollegen / Hrsg. von Ch. Schubert und K. Brodersen unter Mitarbeit von U. Huttner.* Stuttgart, 1995. S. 287–296.
36. *Wonder J. W.* The Italiote League: South Italian Alliances of the Fifth and Fourth Centuries BC // *CIA.* 2012. Vol. 31, № 1. P. 128–151.

Поступила в редакцию 15.05.2014